

Раиса Котовская

84(2Рое-4Сте)6.15.71

К 73

ЛИРИКА



Котовская Раиса Николаевна родилась в 1951 году.



Выросла и окончила школу в городе Минеральные Воды. В 1981 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького в Москве в семинаре Н.Н. Сидоренко. В разное время в Ставрополе вышли поэтические сборники - "Отцовский дом", "Ночной дождь", "Уроки пения", "Снеговица", в московском издательстве "Современник" - "Станция формирования", "Переменная облачность". Член Союза писателей России с 1983 года.



**СТАНЦИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ**

Работа, любовь, расставанья,
Порою - пустое житье...
Я юность прочла без вниманья,
Не вникнув в значенье ее.

Там ветер раскачивал сливу
В неярком и позднем цвету.
Припомню я все терпеливо
И снова сегодня прочту

Страницу, где, горестно плача,
Наивно решаю вопрос:
Так что же на свете я значу?
Напрасно. Не стоило слез.

Пусть жизнь мою ветер листает
С начала, а после - с конца!
Работа, любовь... Облетают
Цветы у родного крыльца.

Ах, мама! Ну, здравствуй, родная...
Но долго из давнего дня
Глядит она молча, седая,
С трудом признавая меня

Мама жужелицу стелет
Возле дома на ледок...
Что ты, мама, в самом деле?
Ведь до школы путь далек!
Ты б до самой школы, сжалась,
Тропку выстлала золой,
Если б люди не смеялись
Над тобой и надо мной!
Далеко, как будто с вышки,
Вижу: в белой полумгле
Мама в стареньком пальтишке
На заснеженной земле.
Мама стелет, стелет, стелет,
Посыпает на ледок...
-Что ты, мама, в самом деле,
Погляди, как путь далек.

Жужелица - зола (диалект)

Синий берет

Мама купит мне синий
Немодный берет
(Вот на что она деньги копила!),
Тот, который себе в молодые года
Так хотела купить - не купила...

Выйдет на люди
Вместе со мной, оглядев
Весь мой облик чужими глазами,
Просветлеет, довольная делом своим:
Я не хуже людей на базаре.
Тетя Валя ей встретится. Заговорят.
Буду рядом стоять, не мешая.
Мама скажет, взглянув на берет:
“Это дочь”.
Тетя Валя похвалит:
“Большая”.

Тетя Паша ей встретится. Заговорят.
Снова буду стоять, не мешая.
Мама скажет и ей:
“Это младшая дочь”.
Тетя Паша похвалит:
“Большая”.

Толку в том, что большая...
Но счастлива мать,
И стою, что княжна на портрете,
Воплощением маминой
Синей мечты
О достатке, красе и берете.

Мама штопала. Пламенем острым
В темной печке горели дрова.
Перессорившись, старшие сестры
На скамейке плели кружева.

Мимо снежная буря летела,
В окнах белая хмарь плыла.
Мать на нас незаметно глядела
И пытливые речи вела:

“Кто крутился вчера у калитки
В пиджачишке и шапке большой?
Ладно, если повадился к Лидке,
Ну а ежели к нашей старшой?..”

Мать тревожилась. Сестры молчали.
Слышим - стук. Вроде некому быть...
Поняла я: дожди постучали,
И отправилась дверь отворить.

Вышла, вижу: прорехи проталин
Мама штопает в мартовском дне.
- Показалось? Иль вправду стучали?
- Показалось... Но это ко мне.

Птичьим гомоном даль говорила,
Таял лед и помалкивал сад.
Я какую-то дверь отворила
И уже не вернулась назад.

А маме ночами не спится.
Подолгу сидит у огня
И пишет письмо мне: боится,
Что люди обидят меня,
Что жить постепенно устала,
Но больно ей не оттого –
Хорошего видели мало
И дети не видят его.

Я тут же спешу нарядиться
И еду в родные края.
Пускай поглядит, убедится:
Богата и счастлива я!

Лишь доброе помня и вторя,
Войду я в родное жилье.
Для матери дочкино горе
Намного больней, чем свое...
Я маму храню с опозданием
От позднего знания зла,
Как мама от раннего знанья
Когда-то меня берегла.

Все пройдет.
Мы еще пожалеем,
Что от солнышка прятались в тень...
С мамой семечки мы перевеем,
Только выдастся ветреный день.
Тяжко зернышки лягут в тряпицу.
Гляну вдаль - и легка, и тиха,
На ветру, кувыркаясь, кружится
Шелуха, шелуха, шелуха...
В этой стае, знакомо мелькая,
Улетает - в какие края? –
Лишь вчера дорогая такая
И хваленая верность твоя;
Неудачи мои и удачи,
Песни, клятвы, ночная гроза,
Годы юности... Нет, я не плачу –
Шелуха засорила глаза.

На станции моей который год –
Зов поездов и запах гари свежей.
Открыт аэропорт, снует народ
Все больше мимолетный, мимоезжий.

И мне не по себе среди него
С моей ревнивой преданностью этим
Домам, полузасыпанным листвой,
И старикам на лавочках, и детям...

Я здесь себе построила жилье.
Сюда я с полдороги возвращалась.
Здесь детство неразумное мое
Когда-то, как ребенок, потерялось.

Хожу, ищу по ближним хуторам,
Зову его - ни отклика, ни плача.
И только песни слышу по дворам
И новые, и старые - казачьи.

Стихи о казачьих песнях

Где ты, казачество южной земли?
В травах, пыли и печали

Грозно-веселые песни твои
По хуторам отзвучали.

Только начнет их мой дед распевать,
В удали слышу тревогу,
Словно хотят они смерть запугать
Бранной отвагой с порога.

В них, будто в браге, когда затворен
Чан, я движение чую:
В поисках лучших краев и времен
Бродят, воюют, кочуют...

Что посулили молва и цари,
Много каких привилегий
В этих краях? И сюда повезли
Переселенцев телеги.

Здесь и оставлены были, как знак
Миру, что каждая кочка
Скарбом, младенцами, лаем собак
Занята Русью - и точка.

Что там в былом? Героический страх,
Труд, и бои, и невзгоды,
Да в справедливых неравных боях
Смерть за свои огороды.

Но казаку-то рыдать не к лицу.
Вот он и пел! Как известно,
Чем тяжелее живется певцу,
Тем задушевнее песня.

Встану утром, оденусь, умоюсь,
В сад окошко свое растворю
И, высокую, в тучах по пояс,
В низком небе увижу зарю.

Нынче будет мое воскресенье.
Здесь, когда я девчонкой была,
Под ветвистою вишней весенней
Щебетливая птаха жила.

Я тогда второпях уезжала,

Покидая родное жильё,
И за мной до вокзала бежала
Надоевшая песня её...

Сколько лет пронеслось, как мгновенье!
Я летела, не помня уже,
Что за свет притупил мое зренье,
Что за шум застоялся в душе.

А вчера воскресенья не вышло,
Помешали уже не дела –
Исплодилась и высохла вишня.
И пичуга, поди, померла.

Молча вслушаюсь в крик петушиный
Или вчувствуюсь в песнь соловья –
Всюду пахнет дождем и крушиной.
И волнуется память моя.

Сестер полуголодная орава
Затеет о нарядах зряшный спор.
И мама тихо вымолвит, бывало:
“Мы строимся - какой тут разговор!”

Мы строились. Родителям по силе
Мы помогали в ревностном пылу.
Месили глину и кирпич носили,
А ночью крепко спали на полу.

Мне снился дом высокий и красивый,
И я не знала, что не мне одной.
Недоедая, строилась Россия,
Израненная страшною войной.

Было много дорог впереди,
да немного осталось.
Позади - лишь одна,
мне теперь возвращаться по ней
в то далекое утро,
где я родилась, удивлялась,
где качаются маки
и речка бежит меж камней.

Это скоро случится:
проснусь, как воскресну, и тут же
вновь на звук незнакомый
пойду и пойду далеко.
Гляну - женщина в ярком платке,
не скрывающем уши,
громко дует в рожок
и, смеясь, раздает молоко!

Это было давно.
И она умерла.
Не итожу,
только солнечный свет,
ты всевидящ, прекрасен, высок,
ты скажи, если так,
объясни без утайки, но кто же
рано утром смеется
и дует призывно в рожок?

И встают предо мною
сады в белопенном кипенье,
стук калиток и женщина
в ситцевом ярком платке,
к ней ребенок спешит,
спотыкаясь в смешном нетерпенье,
и спешит, как улитка,
старушка с бидоном в руке.

На реке Куме

Обмелела Кума, обмелела...
А бывало, затают снега –
И она побежит ошалело,
Подмывая бежать берега.

А домишки, зажмурив ресницы
Синих ставен, толпились вдали
И боялись к реке подступиться
Во владенья песчаной земли.

Не купаются люди и кони
В той реке. По ее берегам
В лебединой изогнутой пойме –
Ржавый лом и бессовестный хлам.

Видишь: круглые вывернув губы,
В облысевшей земле, на краю,

Выливают бесшумные трубы
Что-то липкое в воду твою.

И под ивой засохшей, согнутой
Жирным слоем по зеркалу вод,
Акварельная магма мазута,
К берегам прикипая, плывет.

Что же делать? Искать виноватых?
Я стою и смотрю тяжело.
От восхода зари до заката
По Куме мое детство прошло.

Панцирь

Вот рачок вдоль речки ковыляет.
Мал еще, но панцирем оброс.
Что с того, что панцирь защищает!
Он надолго сковывает рост.

Я рачку советую: “Бросай ты
Панцирь свой тяжелый! Он таков,
Что тебя не очень-то спасает
И от самых маленьких врагов!

Вырастешь огромный ты назавтра,
Ил отмоешь с мордочки и грязь
И пойдешь, похож на динозавра,
Никого на свете не боясь!”

Рак вздыхает: “Панцирь много значит.
Ведь враги больши-и-е у меня...”
И глаза задумчиво тарашит,
Горестно усами шевеля.

Где-то бабахнет в ночи.
Что-то в стекло застучится.
Кто-то вбежит и вскричит:
“Град перебил черепицу!”
Молния зыркнет во мгле,
Спрыгну с постели, спросонья
Большей беды на земле
Просто еще не припомня.
Значит, не зная пока...
Будто не в городе сонном
Мчит грозовая река,

А в мирозданье бездонном!
Через мгновенье пойму,
Думая, что это было:
Снова в отцовском доме
Детство меня посетило.

Ученичество

Вот стою, поддакивая туго
И хвале горячей, и хуле,
Слушая уныло, как подруга
С чувством говорит о барахле.

Зря стараюсь. Скажет: “Неречиста,
Взгляд уклончив, вздохи невпопад...
Это признак совести нечистой”, -
Так об этом люди говорят,

Я-то знаю: в нашем коллективе
Мойщиц, слесарей, проводников
Нету никого меня счастливей
И глупей от песен и стихов!

Но молчу. Упорно, ежечасно
Заметаю все свои следы
В деле соучастия в прекрасном.
И, живя предчувствием беды,

Плачу над судьбой осенних кленов,
Подбирая желтые листья...
Что мне делать с ним - с неразделенным
И болящим чувством красоты!

Проводница

Гремя на стыках, поезд мчится.
В вагоне тусклый свет стоит.
Белье считает проводница
И недоверчиво глядит.

Она устала, отвечая
За всех подряд и всем подряд,
Где вечно требуют, скучают,
Острят, качаются, сорят...

О чем, скажите,
Хлопочет ночи напролет
Она с подругой по бригаде?

Непосвященный не поймет.

Я тоже в прошлом - проводница.
И мне ль не знать ее забот!
Я тороплюсь посторониться,
Когда она чай несет,

Чтобы нечаянным движеньем
Не оказаться на виду
С моим глубоким уваженьем
К ее нелегкому труду.

Ночь

Постукивает дверь. Летим и спим.
Стоянкою порой обеспокоен,
Очнется пассажир: “Зачем стоим?”
И вновь уснет, закрыв лицо рукою.

Скользнут пристанционные огни –
И по вагону облако промчится,
Высвечивая простыни, ступни,
Уснувших обезволенные лица.

И явно я увижу над собой
Сквозь беглое неясное свечение
Судьбу, соединенную с судьбой,
И снов людских безмолвное течение.

Но, преодолевая их гипноз,
Опять схожу с подножки на стоянке,
И вновь меня на каждом полустанке
Легко встречает утренний мороз.

Ночной дождь

Спала, спала я, пробегая наспех
Сны, полусны... Но где-то в глубине
Во мне не засыпало чувство счастья,
Что мой любимый снова дарит мне.

И дождь не спал, топтался у порога,
И, обронив случайный гром, как грош,
Все во дворе обшарил, перетрогал
Неразговорчивый осенний дождь.

Мне снился дождь. Он был давно немолод.
И, мучаясь в бессоннице своей,
Искал он для общенья робкий повод

С душою неуснувшей моей.

И неслучайно мне казалось утром,
Что, весь в дождинках, солнцем ослеплен,
Молчал счастливо, выговорясь будто,
У нашего окошка старый клен.

В лодке

Мы плыли по течению вдвоем.
Лежал ты в лодке, в полдне растворясь,
Любим и счастлив, зноем разморен,
Внезапной полудреме покорясь.

Нас медленно течением несло.
Но я лениво в воду опускала
И поднимете легкое весло, -
И теплая вода с него стекала.
О чем ты говорил со мной тогда
Раздумчиво, бесцельно, как с собою?
Слова стекали, как с весла вода,
В речную воду, в небо голубое...
Я ни одной не помнила беды,
Как будто не жила еще на свете.
Казались частью неба и воды
Твои слова беспечные, как дети.

Веток осенних пучок.
Солнышко посередине, -
Как золотой паучок
Виснет в своей паутине.

Вот остановится, вот,
Ветви неслышно качая,
В них домовито снует,
Перебирая лучами...

Нравится осенью мне,
Миру доверившись слепо,
Молча в лесной тишине
Слушать природу и небо.

С каждой букашкой дружить,
И ничему не дивиться,
Видя, как белую нить
Тянет железная птица.

Рябина

Листва облетела - потухли леса,
Туман поседел, отгорела роса...

И только рябина одна у села
Горячей и жгучей красой зацвела.

Над нею шумят и осина, и вяз:
“Не стыдно себя выставлять напоказ?”

Волнуясь, бормочет ночная река:
“Раскрасилась, дура, кисла и горька!”

Придет он к тебе - долгожданный мороз,
Когда на рассвете ты сникнешь от слез.

Но, нет, не узнают ни лес, ни река,
Как будешь теперь ты вкусна и сладка.

Лесной костер

Гори, костер!
Легко мне и тревожно
Беречь во тьме
Огня короткий век:
На свет в лесу приходят осторожно
И добрый, и недобрый человек.

Гори, костер лесной!
И может статья,
Любимый спросит: “Страшно у огня?”
И я солгу: “Мне нечего бояться,
Когда ты, милый, около меня”.

Разлука

Этой осенью непогодь, морось...
Не опишешь всего вкоротке,
Что случилось и перемололось
Здесь со мной от тебя вдалеке.

Видел ты по лесам на рассвете,
Как у взрослых осинок порой
Осыпаются мелкие ветки
Наравне с запоздалой листвой?

Забываю и я, забываю
Добрый взгляд твоих пристальных глаз,

Как осина - побеги, роняю
Все, что помню и знаю о нас.

И хотелось бы помнить, да больно.
Потому и пою, и живу,
Что роняет душа самовольно
Эту память, как ветви, листву...

И меж нами растет расстоянье,
Заполняется днями, людьми
В этой поздней поре убыванья
Листьев, света, тепла и любви.

Лель

Этот русский любовный божок –
Некапризный и тихий ребенок.
Он плетет в липняке сапожок,
Он играет ветвями черемух.

А когда он на днях проходил
За межою колхозного сада, -
Ты свистульку ему смастерил,
Я дала ему гроздь винограда.

И, чураясь разбойничьих игр
Ребятишек, галдящих у окон,
Он шагнул в прошлогодний тростник,
Оглянувшись на нас одиноко.

Но куда стоял он в тени
У плетня с осторожностью лисьей,
Ты шепнул изумленно: “Взгляни!
На плетне распускаются листья...”

В твои глаза взглянула и забылась,
И длилось, длилось это забытье...
Когда очнулась - все преобразилось
За долгое отсутствие мое.

Которое уже? - цветенье сада
Вокруг дымится, прямо из земли
Вскипевший хмель пролился за ограды,
В цветной пыльце купаются шмели.

Весенний воздух, легкий и тенистый,
Весь перевит душистою листвой,
Весь пересыпан щебетом и свистом
И околдован солнечной игрой.

Его тепло мы пьем нетерпеливо -
Медовое и горькое на вкус, -
Ты от него становишься счастливым,
Я от него печальней становлюсь.

В твои глаза взглянула и забылась,
И длилось, длилось это забытьё...
Когда очнулась - все преобразилось
За долгое отсутствие мое.

Которое уже? - цветенье сада
Вокруг дымится, прямо из земли
Вскипевший хмель пролился за ограды,
В цветной пыльце купаются шмели.

Весенний воздух, легкий и тенистый,
Весь перевит душистою листвой,
Весь пересыпан щебетом и свистом
И околдован солнечной игрой.

Его тепло мы пьем нетерпеливо -
Медовое и горькое на вкус, -
Ты от него становишься счастливым,
Я от него печальней становлюсь.

Я все в тебе люблю:
И тридцать лет,
И дум твоих невинное согласие,
И страсть твою...
Но будущего нет
У нашего ворованного счастья.

Над нами август
Крылья распростер.
Куда ни кинься - трепетно и грустно
Везде я вижу
Гибельный простор

Для твоего доверчивого чувства.

Мой дивный август!

Ржавчина листа,

Полеты звезд, семян и паутины...

Как грустно

Целовать твои уста,

Отравленные горечью рябины!

В июле

Лишь начинал пересыхать бурьян

Под солнечным полуденным гореньем –

Плыл над лугами плотный, как туман,

Тяжелый дух пахучих испарений.

Я не превозмогала этот чад.

Июль дышал, мою смущая душу

Дыханием живым. И по ночам

Листвою пахла теплая подушка.

Как будто тополь сладко спал на ней

И, спохватись перед моим приходом,

Ушел тайком, теряя пух с ветвей,

Задворками, бегом - по огородам!

И вслед за ним гналась в ночной тиши

Ленивая собачья перепалка...

Мне не спалось. Мне так хотелось жить,

Что засыпать до боли было жалко.

В ясный полдень я не слышу,

Как настраивает струны

Ливень, чтобы зазвучала

Удивительная арфа.

В ясный полдень я не вижу

Облаков: они до срока

Глубоко запали в небо

Вместе с пухом тополиным.

Ты чужой еще, ты рядом.

Но присутствие живое

Назревающего счастья

С беспокойством ощущаю.

И ночью мне снится: колдуют
Обиды в уснувшем доме,
И вновь я с тобою враждую,
Не зная сама почему.

И в час равновесья недолгий,
На склоне огромного дня
Гляжу на тебя я в тревоге:
Поймешь?
Не осудишь меня?

Ведь я календарь обрываю,
Как венчик ромашки, - июль»:
О, любит, не любит - не знаю,
Но любит, не любит - люблю.

И верю, что счастье возможней,
Верней от весны до весны...
Но мир - он бывает тревожней
Любых состояний войны.

Ты говоришь, подаришь жизнь...
Не надо
Обязывать подарком дорогим.
Не сторож я ни слову, и ни взгляду,
Ни помыслам рассеянным твоим.

Не сторож. Потому не обещаю,
Что сберегу подарок навсегда...
Не дарят жизнь, но, может, посвящают,
Как повесть посвящают иногда.

Август

Он слушать умеет! Какое вниманье
к рассеянными звукам и ночи, и дня!
Вот гул самолета, вот леса дыханье,
дождя перепляс на крыльце у меня.

Чего ж тебе больше от августа надо?
Не трать ни минуты - трудиться спеши...
Но ты за начальной порой листопада следишь.
И молчишь с замираньем души.

Как хочешь... А я убегаю сегодня
за лес багровеющий, как на пожар,
где холод и жар августовского полдня,
как в наших признаньях - то холод, то жар.

Ты вновь незаметно уходишь
В молчанье своем затаен,
Мосты не сжигаешь - разводишь
До мне неизвестных времен.

Надеждой даришь на прощанье,
Чтоб чудилось мне, что вот-вот
Мое неземное отчаянье
Обратно тебя позовет.

Нет, пусть тебе больше не мнится,
Что я во владенье твоём
Живу то ручною синицей
То диким степным журавлем!..

Но снова стучишься ты робко,
Пройдя сквозь полуночный сад
Неслышной и легкой походкой,
Как ходит лесной листопад.

И губы свои, как чужие,
Я дрогнувшей крашу рукой,
И кружатся дни золотые,
Как вихрь, по земле молодой!

И счастье в глазах твоих серых!..
Сестер обманувшая вновь,
Одна, без Надежды, и Веры,
Меня посетили Любовь.

Прощание

Пора погодить, оглядеться,
Где солнце, где лес голубой...
Любовь пробралась в мое сердце
Еще до знакомства с тобой.

И так же ушла самовольно
Еще до прощания с ней.
Мне стало не страшно, не больно
К душе прикоснуться твоей.

И думала я, холодея,
Проснувшись в полночной глуши:
Зачем равнодушно владею
Я тайнами этой души?

Да, я тебе крылья связала,
Когда, оставаясь в тепле,
Любовью тебя обязала
Встречаться со мной на земле.

Так что же похожи мы нынче
На маленьких глупых ребят,
Что стукнулись лбами, и, хныча,
Сердито друг друга винят?..

Раскрою окно - занавески
Пугливо отпрянут в жильё,
И ветер повеет вселенский,
Как прежде, в окошко мое.

Дворник

“Подними! Обронила листок!” –
Я березке скажу, и на миг
Мне покажется, вдруг, что листок
Пожелтевший ее черновик.

Но березка его не берет:
Отжило - не приклеить вовек...
Сплю и слышу, как листья метет
Одинокий больной человек...

По асфальту метелкой скребя,
Жжет костры, наклонясь тяжело.
И бормочет почти про себя:
“Не приклеить. Навек отжило...”

Видишь, там, на крутом берегу,
Где проносятся вспышки огня,
На ветру, удилами звеня,
Белый конь поджидает меня.

Он стоит у вечерней воды
И такое терпенье хранит,
Что ковыль у колен молодых
Синим пламенем молний горит.

Это длится не год и не два.
Мне тяжка его верность в ночи.
Захотевшая бега едва,
Знаю: свистни, вскочи - и умчит.

Прогоняю его - не идет.
Накричу на него - промолчит.
Гляну - это лишь месяц плывет
И огромную гриву влачит.

Дорожное происшествие

По улице проехала телега.
Коняге на унылые бока
Ложились хлопья тающего снега.
И не было в телеге седока.

Наверное, какой-нибудь прохожий,
Застав коня случайно одного,
Задумал пошутить: подергал вожжи
И по-хозяйски цокнул на него.

И конь пошел, пошел неторопливо,
Понюхивая мерзлые следы,
Наверное, по-своему счастливый,
Что нынче он не чувствует узды.

Но пары ярких фар - одна, другая,
Из утренней выныривая мглы,
Неслись к нему, горя и не мигая,
Заборы огибая и углы.

Конь пятился, отфыркиваясь паром,
Телега подступала тяжело,
И вдруг, полуослепшего, на фары
Машин его зачем-то понесло.

Забывшего дорожные системы,
Где всяк держись потока, стороны,
Его несло на клумбы и на стены
До новой клумбы, тумбы и стены...

Ударил выстрел правильно и жестко.
И встало все на прежние места.
Виднелись в опрокинутой повозке
Отходы пищевые для скота.

Подъехал грузовик, подняли разом

Коня, телегу. Вилось воронье.
И конь смотрел уже остывшим глазом
На краткое безумие свое.

Весеннее воскресенье

Над лесом, над полем, над мартовским садом,
Среди подобревших лучей,
И выше, и дальше, над миром, над чадом –
Широковещанье грачей!

Вставай, просыпайся! Грачи прилетели.
Зима отбывает. А с ней,
Дымясь, восвояси уходят метели,
Лениво вставая с полей.

Туда, за овраг, где чернеют полянки,
С крыльца, как моряк с корабля,
Мальчишка в огромной отцовской ушанке
Орет: “Показалась земля!”

Какие снега были этой зимою!
По горло, по крышу жилью.
И в спячку хотелось уйти нам с тобою,
Подобно лесному зверью.

Но все обошлось. И грачи закричали.
Я думаю: как хорошо!
Мы прошлой зимой пережили печали
И не одичали душой.

Стихи о Железноводске.

Разновысокие дома
В листве желтеющей зарыты,
Дворов глубоких полутьма
С бельем и теплым духом быта.
Средь неожиданных ходов
И многочисленных ступеней,
Впитавших зной и холодов,
Дурманы всех былых цветений, -
И заплутаться здесь не грех
В тот праздник радостный, нежданный,
Когда уже созрел орех,
И осыпаются каштаны,
Стуча в полдневной тишине,
Царящей на исходе лета,

По плитам пористых камней,
По крышам, солнцем разогретым;
Когда внезапно наугад
Сорвется лист паляще-красный,
Кружа и плавая в пространстве,
К себе приковывая взгляд.

Снегопад

Тишина. Даже слышно, как свет
От земли белоснежной струится.
Даже слышно, как падает снег:
Покружит, покружит и ложится.

Хорошо-то как, Господи...
Грусть в снегопаде неспешном и вольном
Или радость - не знаю, боюсь:
Мне от них одинаково больно.

Как легко в эти дни я тружусь!
Не хожу, а летаю как будто.
Покружу, покружу и ложусь,
И опять начинается утро.

И опять в продолжение вчера
Светлый путь совершаю по кругу,
И опять, начиная с утра,
Свет и снег переходят друг в друга.

Взрослый друг

Его я не боготворила,
Хоть взрослый друг - большая честь...
О том, что будет, говорила,
Он говорил о том, что есть.

Когда мне лет семнадцать было,
А показалось, что не счесть, -
О том, что было, я твердила.
Он говорил о том, что есть.
Когда молва меня осудит,
Бедой дохнет дурная весть, -
Расскажет друг о том, что будет,
А я в слезах - о том, что есть.

И вот, впервые вспоминая,

Как отводил он взгляд порой,
Как будто видел между нами
Еще не прожитое мной,

Замечу я: не понимает –
А вспоминает он меня,
И путь в былое совершает
Вплоть до сегодняшнего дня.

А этот путь крутой и людный.
Здесь столько бед еще и дней!..
Ему ко мне вернуться трудно,
Но мне догнать его трудней.

- Где нога твоя, деда Игнат?
- На войне потерялась она.
- Так сходи на войну за ногой!
- Не найду и вернусь без другой
И сидят на полу, говорят,
Мальчик Гена и деда Игнат.
И тачает Игнат сапоги
Внуку Гене на обе ноги.

Баба Даша

Старееет баба Даша. Чуть дыша,
Теряет счет и правнукам, и суткам.
Но теплится еще ее душа,
Неясно освещенная рассудком.

Теперь и ей припомнить нелегко,
Когда она - сестра, свекровь и мама –
Для домочадцев теплым огоньком
Светилась терпеливо и упрямо.

Бушуют в доме страсти.
Там уже давно другие властвуют свекрови.
Всем хочет баба Даша по душе
Прийтись да посочувствовать на слове.

Все разбегутся - в доме пустота.
Зайдется сердце. Небо в окнах сине...
Ах, баба Даша, наша доброта
Похожа на пугливое бессилье.

И бродишь ты по дому, как впотьмах...
Ну, ничего, как доживем до мая –
Пойдем на хутор твой, где на полях
Земля дымится, небо обнимая.

Ты постучишь в знакомые дома,
Поговоришь с подругами по детству,
И, может быть, отступится зима
От твоего зимующего сердца.

В ночном лесу

Что за прялка в глухое предзимье
От земли до мерцающих звезд
Тянет темные нити осинок,
Тянет белые нити берез?

Что за пряжа протяжно запела,
Порываясь неслышно вздохнуть?
Все поет кое-как, чтоб за делом
Ненароком в ночи не уснуть...

Эта песня стара, как поверья,
Полнит душу брожением сил
Очень древних, как эти деревья,
Как смоленые избы Руси.

Это вьюга поет надо мною
О заплаканной вдовьей судьбе,
Все поет, и прядет, и порою
Чуть качает мою колыбель.

На родине

Давно ветров осеннего дыханья
Не слышит безотзывная земля,
И не шумят, не требуют вниманья
У нашего порога тополя.

Как в детстве полупамятном и дальнем,
В провинциальной дремлющей глуши
Все кажется мне мир исповедальней
Восторженной доверчивой души.

Завижу поезд с полной трубкой дыма,

Заслышу вольный говор журавлей –
Пою, пою... и песня уязвима,
Как сердце уязвимо у людей.

Промчалась эта осень
Очень быстро
С дарами лета красного в руках, -
И второпях она теряла листья,
Лучи, дожди и яблоки в садах.

Глядела я, глазам своим не веря,
Как лето исчезало из дубрав,
И думала об осени: “Растеря”,
Залетный лист в подъезде подобрал.

Ну вот, прошла пора очарованья...
Свободно по задумчивым дворам
За ней прошла и разочарованья
Такая ж мимолетная пора.

И может, завтра около рассвета
Внезапно зрелость явится ко мне,
Когда рекой безжалостного света
Морозный день объявится в окне.

Ты станешь добрее и проще,
Твой лик осветлит листопад,
Когда отшумят твои рощи,
И птицы твои улетят.

Тогда б нам и встретиться чудом!..
Но только, другого любя,
Я к этому времени буду
Опять далеко от тебя.

Во времени мы разминулись
Всего лишь на несколько лет.
И только в толпе оглянулись
Внезапно друг другу вослед.

Когда, одна в своей судьбе,

Живу я без огня,
Я так завидую тебе,
Что любишь ты меня!

Вот так завидует в душе
Стареющий юнцу,
Поэт, прославленный уже, -
Безвестному певцу,

Унылый - радости людей,
Богатый - бедняку...
А ты все просишь: "Пожалей
Любовь мою, тоску".

Капнет быстрая капля весенняя
В кадку, полную талой воды, -
И рассеется в ней на мгновение
Отражение ближней звезды.

Свистнет поезд, взметнется метелица,
Треснет ветка в лесной глубине –
И тогда на мгновенье рассеется
Образ твой, отраженный во мне.

И пока он отсутствует, слушаю,
Осязаю, не видя, везде
Только эту звезду, утонувшую
В искаженной холодной воде.

***- Ты украл пятнадцатую строчку.
Низкий вор, вон из моего "Дивана"!***

Дм. Кедрин. Кофей

Очнулся и мечешь перуны...
Никто твоей строчки не крал.
Пока ты настраивал струны,
Другой твою песню сыграл.

И значит, от слова до слова –
Давно уже мир облетев –
Была эта песня не новой,
Не новой, а так, перепев...

Придумай к мелодии строки

Такие, чтоб нынче и впредь
Помимо тебя да эпохи
Их некому было бы спеть.

Бабочка

Как будто легкий ветер треплет
В полете два цветных крыла...

И вдруг влюбленный женский лепет
В ее балете я прочла!

Взгляни, и впрямь она походит
На женщину, что влюблена!

Недаром бабочкой в народе
Зовется ласково она.

Ночная гроза

Не ладили ветры всю ночь меж собой,
Шептались и что-то делили,
И несколько раз мимо окон гурьбой
Шумливо дожди проходили.

Деревья дышали всю ночь тишиной,
Как овцы в уснувшей кошаре.
Лишь клен по окну моему, как слепой,
Растерянно листьями шарил.

Природа воды и природа огня
Меняли обличья... От века
Здесь нечто творилось помимо меня,
Помимо меня, человека.

Пойма реки Кумы

Каждый дом в шеренге молчаливой
Из-под крыши, как из-под руки,
Зорко загляделся на разливы
Взбалмошной, проказливой реки.

Пусть Кума теперь совсем другая,
Нрав смирила гордая Кума, -
На ее соседство, не мигая,
Смотрят осторожные дома.

Но уже смелее год от года,
Заселяя пойму у воды,
Вырастают пышно огороды
И укореняются сады.

Нет, Кума, не зря ты разливалась,
Не бывает худа без добра:
Где весной ты грозно поднималась,
Там земля особенно щедра.

И сама я, кажется, другая:
Поутихла, в русло ухожу.
На свои былые берега я
С пристальной надеждою гляжу.

Похолодание

Мне добрый друг принес плохие вести,
А я сказала: “Будет, старина!
Давай поблагодумствуем вместе
За чаркой прасковейского вина”.

У дома осень поздняя стояла.
Туман да сырость - ничего вдали...
Мы яблоки достали из подвала,
Наговорились, душу отвели.

И говорить старались не о мелком,
Чтоб мелкие заботы отпугнуть,
А, скажем, о летающих тарелках,
О смерти и о гениях чуть-чуть.

Дрова горели с трепетом и треском,
Когда в оцепенелой тишине
Как будто кружевную занавеску
Задержнул кто снаружи на окне.

Большая сила мертвая стояла
В тот миг за нею –
Это был мороз.
Мы вышли в ночь. Вселенная сияла
Кристаллами прорезавшихся звезд.

Мы вышли в ночь и сразу замолчали:
Она была прекрасна, велика.
Мы устыдились маленьких печалей,

А крупных не предвиделось пока.

Не конурою Бобик дорожит,
Где он немало горя перемыкал...
Он верный пес. Но с лаем не бежит,
Когда скрипит и хлопает калитка.

Таких гостей впуская, что опять
Занегодует в нем собачья память.
И нелегко бывает устоять,
Чтобы пришельцев громко не облаять.

Но сам хозяин сделался, что гость:
Он редко трезв. За преданность святую
Ударит сапогом, подарит кость
Иль, рухнув на колени, расцелует?

Так Бобик негодует и молчит,
И прячется, что кур, с заходом солнца...
Он где-нибудь вскульнет да порычит
И, крадучись, в конурку забьется.

И лишь когда погаснет в доме свет,
Забудется хозяин, засыпая,
Как долг велит собачий, Бобик вслед
Случайному прохожему залает.

И мой бы день теперь был тих и светел,
Когда бы в предрассветной синеве
Вдруг не прошел, вздыхая тихо, ветер -
Босой - по колкой, высохшей ботве.

Он шел и думал, что никто на свете
Не слышал, как вздохнула полумгла...
Я и теперь не знаю, был ли ветер,
Но знаю я, что музыка была.

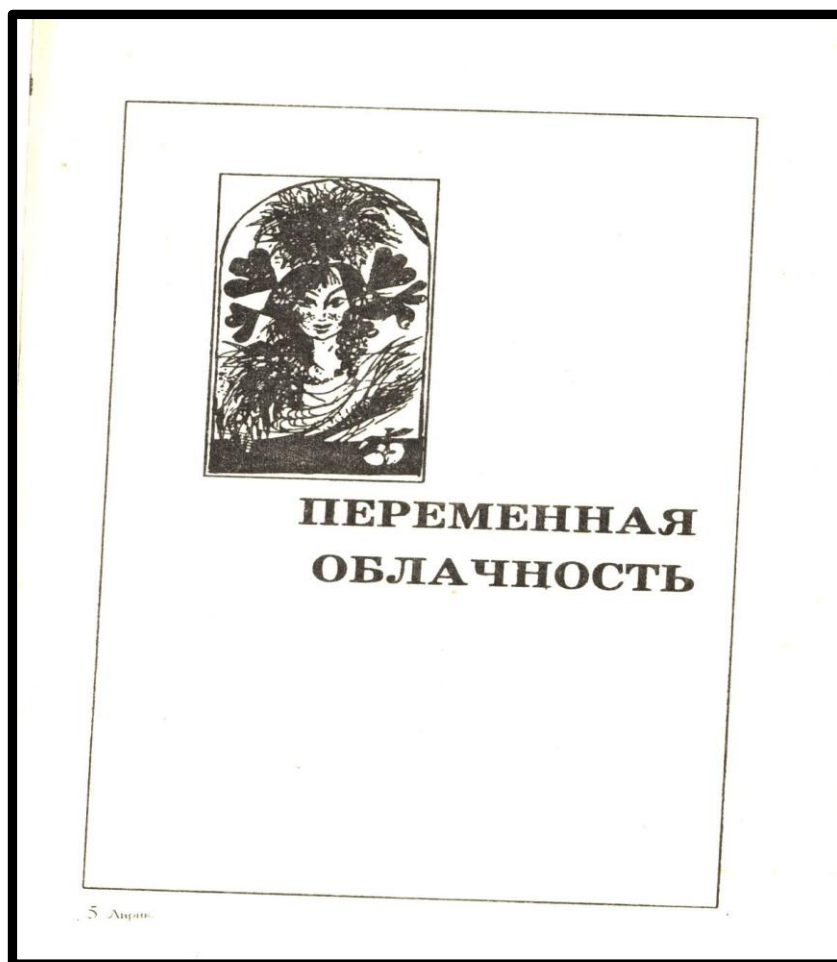
Какая сила музыку исторгла
Из вечной тишины и улеглась?
Но все во мне вскипело до восторга,
И в сердце чья-то боль отозвалась.

И я уста невольно разомкнула.
Но тихий, жалкий звук произнесла,
Ту музыку, что жизнь в меня вдохнула,
Пыталась повторить и не могла.

Кому в такую рань не спится?
То плач доносится, то зов...
Снуют, как погорельцы, птицы
У полыхающих лесов.

Кружат, кричат... Раскрою ставни,
Пройдусь по листьям у окна.
Полнеба в зареве. В тумане
Сырая даль растворена.

Дорога во поле струится,
Любовь за юностью ушла...
А память мечется, как птица,
Вокруг остывшего тепла.



Снегопад на дворе, снегопад...
Вышли вроде бы зимние сороки,
А всю ночь на фонарь одинокий
Мухи белые скопом летят,

Целый мир заслоняя, там и тут
Мельтеша, словно снежная завесь,
То обиды, то ревность и зависть
Меж людьми то и дело снуют...

Все же я повторяю: нельзя
Видеть только лишь сеть снегопада.
Ведь она пронцаема вся
Для широкого щедрого взгляда!

Ведь не зря, наплывая в тиши,
Тают хлопья, во тьме растворяясь,
Каждый миг ненароком касаясь,
То лица твоего, то души...

Мартовский сад

Ожил сад. Непривычно,
Но понятно душе,
Что в саду этом нынче
Не одна я уже.

Он прозрел осторожно
Среди серого дня
И впервые тревожно
Поглядел на меня.

Поглядел, застыдился
Вдруг своей наготы...
Зимний день зацепился,
Уходя, за кусты.

Клочья снежной остуды
Держит вишня в горсти.
Это тихое чудо
Скоро будет цвести.

Почем твой хлеб
и как он достается,
я знать хочу,
теряясь перед ним,
особенно - во время хлебосольства,
где потчуют
чужим, а не своим.
Почем твой хлеб?
Минуя междометья,
поведай мне
про все свои труды,
тревоги повседневные...
Ответь мне,
почем твой хлеб –
и я скажу, кто ты.

То ли думала, то ли мечтала,
Про себя повторяя тайком,
Что мне пламя свечи нашептало
Иступленным своим языком.

И за шепотом, трепетом, треском
Золотого ночного огня
Не расслышала, что перелески
Расцвели и глядят на меня.

Вот как вышло! По белому свету
Не один раззвонила секрет...
Только в том ни вины моей нету,
Ни заслуги, тем более, нет.

На бетоне, под плоскою крышей,
Вью гнездо, создавая уют,
Несравненно, значительно выше,
Чем обычно пернатые вьют.
Породнит меня с ними отныне
Чувство ужаса, - смерти сродни:
Как с птенцами я буду моими?
Ведь совсем же без крыльев они...

Из-за рощи в пространство морозное
Поднимается шар золотой...
Что с тобой?

Отравление острое
Клеветой...

Чем лечить?

Медицина безмолвствует...
А душа говорит высотой,
Пересыпанной крупными звездами,
Красотой...

Белоснежное и опаленное,
Обожженное чьей-то виной, -
Тихо шепчутся, словно влюбленные,
Два крыла у тебя за спиной.

Летняя гроза

Мы не ждали грозы.
Мы не верили мгле.

Разве только цветы полевые,
Жалко скорчась в пыли,
Прижимались к земле,
Прикрывая глаза голубые.

Помню: с треском сухим
Загорался и гас
Белый свет в порыжелом бурьяне,
И, простреленный молнией,
Воздух потряс
Гром, упавший на дальней поляне.

Ты стоял и смотрел,
Потрясенно смеясь,
Как спирали раскручивал ветер,
Как насккивал ливень
И втапывал в грязь
И листву, и бурьян, и соцветья...

Но отходчива летом гроза.
Вдалеке
Громыхнет, заворчит напоследок,
Широко раскрывая
Крути на воде,
Горсти капель обрушатся с веток.
И последняя дрожь
Пережитых чудес
Пробежит по листве торопливо.

Отряхнется, как пес,
Перепуганный лес
И опять распрямится счастливо.
И забудется снова Своим полусном...
Только я не забуду, наверно,
Что с грозой ты был
В этот день заодно,
А не с лесом моим,

Кот

Славный кот наведалься ко мне.
Говорит: “Живи в житейской гуще
Только обозримыми вполне
Прошлым, а особенно - грядущим.
Ограничься маленьким мирком,

Легче мышку выследить украдкой”, -
Не людским, понятно, языком
Говорит, а всей своей повадкой.

“Эх, была бы крыша надо мной!
Сам себе растратчик и добытчик, -
Я б не поступился ни одной
Из моих изысканных привычек.
Стыдно мне, да и не по летам
Лезть за коркой в мусорные урны.
Я бы харчевался только там,
Где со мной обходятся культурно...”

Поурчал, попробовал мяска,
Соблюдая скромное степенство,
И прилег на край половика
С мирной песней тихого блаженства.
Потепленье, равное нулю,
Излучал он весь, подзакусивший...
Я его, пожалуй, прокормлю
И лежанку сделаю под крышей.
Вот отъестся малость к февралю,
Отдохнет от горестей и буден,
Может, философию свою
Пересмотрит. Или позабудет.

Опасная, повсюду
Разыскивалась совесть.
Искали где угодно,
Но не в своей душе.
Порхали стенограммы
И разносились слухи,
Кивая на соседей
И дергая родню.

- Ну, что вы там решили? –
Кричали телефоны, -
Але! Вас плохо слышно!
Подробности - письмом!

- Мы тут посоветались
С умом своим и сердцем...
И вышли разногласья...

- Да вы сошли с ума!

...Прошили птичьи стаи
Пространства черной нитью,
Потом - суровой нитью –
Осенние дожди,
А после замелькали
И белые волокна
Размашистого снега
Стремительной зимы.

- Ну, что вы там решили?
Заладили журналы,
Свободны и болтливы,
Как белые стихи.
Опасная, повсюду
Разыскивалась совесть.
И стало мне тревожно:
А ежели найдут?

Отчаянно нагая,
Сильна и безоружна,
Она убьет кого-то
Или убьют ее?
Ого! - она не терпит
Базарных домогательств,
Дурных прикосновений,
Публично общих мест.

“Вы с ней поосторожней,
Прошу я вас, потише...”
Да кто же в самом деле
Послушает меня?

То ль у времени – ясное око,
То ли возраст уже мой такой –
Вижу зло и добро. Недалеко,
Вот они – погляди! – под рукой
Это было б, наверно, прекрасно,
Если б вдруг среди ночи и дня
Не тревожилось сердце: «Опасный
Это возраст... Гляди у меня!»

Что ты мечешься в сумрачном поле?
Что петляет твоя колея?
Променила на вольницу волю
Дорогая супруга твоя.

Там ищи, куда ветер подует
И течение куда занесет
Продувную твою дорогу,
Ту, что больше никто не спасет...

Страшно знать, что не войны, не горе
Развалили семейный очаг,
А гульбы разливанное море
В полоумных крикливых ночах.

Что ж, беги за стихией вдогонку,
Коль лишился пути своего...
Бог с обоими! Жалко ребенка
За немое сиротство его.

Сыт он вами, как горькой отравой,
Чтоб однажды в детдоме понять,
Что лишен он сыновнего права
На любовь, на отца и на мать.

А пока он, приемыш Отчизны,
Неголодный, одет и обут,
Терпеливо растет, некапризно,
Как забытые травы растут.

Завтра - праздник. Всполощутся флаг
Мальчик краской измазался, рад,
Что цветок смастерил из бумаги —
С ним он завтра пойдет на парад.

Он в толпе потолкается тесной,
И, с людьми ощущая родство,
Станет бравые слушать оркестры
Одинокое сердце его.

Хмурый, как свет под елью,
Ветер гуляет вокруг,

Листья летят на землю,
Птицы летят на юг.

Перемещение это –
Трижды в течение дня –
В сторону прошлого лета,
В сторону от меня.

Кажется: вся окрестность
Вплоть до меня самой,
Нового ищет места,
Сообразуясь с зимой.

Впечатление

Поговорили с ним о пролесках,
О видах стройки за окном.
А на душе, как после обыска,
Все перевернуто вверх дном:
Туманных дней моих размоины
И пятна черные ночей,
И ощущение беспокойное
Борьбы, что кончилась ничьей.

В те дни

В те дни уже я стала привыкать
Всем потакать, казаться интересной,
Терпеть, спешить, стараясь занимать
Как можно меньше воздуха и места;
С годами тяжелея на подъем
К вершинам независимого духа,
Ворчать, как одинокая старуха
Ворчит на жизнь
Над скисшим молоком.
И даже очутилась где-то теш,
Где, всем не по заслугам воздавая,
За доброй славой ходит по пятам, -
Как тень ее - недобрая, дурная.
Короче - к полудню, к вечеру длинней
Влеклась за мною тень самовлюбленно...
Тогда-то и повадилась ко мне
Захаживать ученая ворона.
Мы с ней сошлись. Она была стара.
К тому же перевидела немало

И все ж была сторонницей добра,
Как я его в то время понимала.
Но нравилось ей часто, между тем,
Назвав меня больной и несчастливой,
Поддакивать моей неправоте,
Подзуживать на гнев несправедливый.
И жизнь она расхаивать могла
Так заинтересованно и притко,
Как будто на уме ее была
На этот счет житейская прикидка.
И дом родимый опротивел мне.
Все рушилось, что склон в лесном овраге,
Маячил дождь в распахнутом окне,
И ветруган обыскивал бумаги.
И мысль моя ворочалась в песке
Сомненья безысходного, пустого.
Вся жизнь моя была на волоске
От дикого посмешища людского.
Дорог не разбирая, в никуда
Любовь влеклась и неприязнь стремилась...
Довольно, валят дерево туда,
Куда оно когда-то накренилось.

В электричке

Публика усталая и хмурая
В электричке ехала. И в ней
Нянчилась девчушка белокурая
С куклою красивою своей.
“Доченька, усни, моя хорошая!” –
Вдруг касалось слуха иногда...
Мимо, заметаемы порошею,
Дико проносились поезда.
И тогда дурное что-то, стылое
Оглушало чувство бытия.
А потом опять: “Родная, милая,
Куколка хорошая моя...”
И, дыша в глаза ее порожние
Безотзывно, нежно и светло,
Все дарила девочка тревожное,
Странное, ненужное тепло...
И сидела сумрачно и слепо я,
Видя сквозь закрытые глаза

Жизнь свою большую и нелепую.
Слушая привычно тормоза,
Зная, что за окнами зарыскали
Пригороды, башни, а левей –
Кабачки, стоящие изысканно,
На местах порушенных церквей;
Что поодаль место обозначилось,
Где себя я тихо прожила,
Словно с куклой глупою пронянчи
Все тепло ей отдала...
Что же ты, мечта невосполнимая,
Мучаешь меня?
Не слышу я
Это, душу жгущее: “Любимая,
куколка хорошая моя”.

Переменная облачность

Хмурится солнышко в небе рассеянно,
Сад обобрали вполне...
Гляну на все - и усталость осенняя
Передается и мне.
Но ненадолго. Огромной лучиною
Солнышко высветит тьму...
Видимо, радость моя беспричинная
Передается ему.

**Господам, князьям кони дадены,
Моему ж дружку коня не дали.
Ах, милой, милой, ты возьми меня.
Заложи меня и купи коня.**

Из русской народной песни

Ничего не понимаю
Сердцем, выжженным до дна...
И сегодня вспоминаю
Судный день Бородина.
Тишина и потрясенье.
Погорелище молчит.
Только тема воскресенья
Песней русскою звучит.
И, отвыкшая, внимаю,
Неумело к ней тянусь...
Нет, не молкла, как немая,

Онемеченная Русь –
Пела, пела в пораженьях,
В глухомани лет и мест!..
Черный дым былых сражений
До сих пор нам очи ест.
Ест! Но сказочную птицей
Восстает из ничего
Обожженная столица
Сердца, сердца моего.

Те же яблони в цвету,
Улицы все те же...
Только будто бы не тут
Детство шло... Но где же?
В той стране, где я росла,
Все чудней и ярче:
Дни, кварталы и дела,
Яблони и дачи...

Вспомню я в который раз
Юность, путь без цели,
Трепет рук твоих и глаз
Молодую зелень, -
И догадка, ослепя,
Обожжет, что все же
Я любила не тебя...
Но тогда кого же?

То ль привиделось во сне,
То ли вправду было,
Изменила ль память мне,
Я ль ей изменила,
Не пойму я иногда,
Жизнь чужую прожив:
Да жила ли я когда?
Если - нет, то кто же?

Вновь рождаешься. Мучится болью –
Он, тебя исторгающий мир...
Видишь фото. На фото - застолье,
Словно жизни таинственный пир.

На руках восседаешь отцовых
В бантах вся, как сиреневый куст.

Взгляд младенческих глаз леденцовых,
Словно небо апрельское пуст.

Это детство твое. А подальше,
В окруженьи дневного жулья
И поет, и цыганочку пляшет
Оскорбленная юность твоя.

И глядит на нее сквозь усталость
Зрелость трезвая... И в уголке
Примостилась забытая старость
В скромном, темном, немарком платке.

Облетели леса, обмелели.
Дно у них, как у ближних полей, -
Все в снегу. Лишь глубокие ели
Сбились в кучу, чтоб было теплей.

Все тебе о себе рассказала,
Но ни отклика нет - тишина...
Как душе моей холодно стало,
Обнаженной до самого дна!

Беспредметное чувство утраты
В ней зияет, как утренний снег...
А слова улетели куда-то,
Может, на зиму, может, навек.

- Уж весна, а снег, однако... –
Молвила она.

- Пусть идет, - сказал он, - влага
На поля нужна...

- Кто приехал бы откуда,
Скучно без людей...

- Был бы хлеб, а мыши будут, -
Он ответил ей.

Поздняя осень

Поздняя осень, ты рада,
Что обрела невпопад
Для отгоревшего сада

Этот неяркий наряд?
Серое что-то надела...
Нынче почудилось мне:
Отзвуки дня то и дело
Вязнут в его волокне.
Тихо. Как серая вата –
Облако. Гуси - и те
С плачем летят, воровато,
Все по ночам, в темноте...

Притча о попугае

Истомился в клетке попугай.
Вид чужой неволи угнетает.
Растворила клетку я: пускай,
думаю, по дому полетает.
И на сердце сделалось светло...
Возвращаюсь вечером с работы -
попугай разбился о стекло,
бросившись за призраком свободы.
Этот случай, холодом сквозя,
попрекает изредка: повинна!
Я тогда не знала, что нельзя
птиц освобождать наполовину.

Пузатые кресла,
Хрустальные люстры...
И, кресла заняв, как посты,
Нарядные люди
На встречу с искусством
Явились и ждут “красоты”.

Вот девушка вышла
В дешевых сапожках
На сцену, где нет берегов.
Трепещет в ее
Тем интересен,
Воробышек первых стихов...

Что ж, может быть, вы
Проживете без песен,
И песне - без вас - не впервой! –
Но этот воробышек
Тем интересен,
Что он - совершенно живой.

“А где ж красота?” –
Возмущаясь резонно,
Заладите каждый - свое...
Да что тут попишешь?
Она не виновна,
Что вы не узнали ее.

Туман, мокропогодица,
Осенние дела...
Когда все это кончится?
Неделями ждала.
И вот в начале третьего
Я глянула в окно
И солнышко заметила
Или меня - оно.
И переглядкой этою
Жива я десять дней
До нового просвета
На улице моей.
Взросление
Друзья твои - милые люди,
Да что-то тебе невдогад:
Зачем за спиной тебя судят?
И что “отсудить” норовят?
Доверье... Кругом оглядишься,
К чужой примеряясь судьбе,
И так от себя отрешисься,
Что ночью приснишься себе.
Приснишься пустою, как платье –
На проволоке бельевой,
Раскрывшая миру объятья...
В объятиях - вихрь столбовой!
И сделает месяц полкруга,
Пока различишь берега
И расположение друга,
И расположенье врага.
Исчезнут случайные люди,
Лишь кончится в доме вино.
Доверье... Его не убудет –
Разборчивей станет оно.

Много песен неспетых утонет
И напрасных тревог отболит...

Да неужто рассудок упомнит
Все, что сердце нам делать велит!
И оглянешься позже когда-то
На себя и на даль, и на близь:
Неужели вся эта растрата
Дней и лет называется “жизнь”?
Нет же, нет! Где б тебя не носило,
Время шло в неслучайной борьбе.
Есть какая-то чистая сила,
Что сочувствует тайно тебе.

Проживаю в лесу. А в лесу по весне
Птичьим гомоном день начинается.
Нынче птица в моем распевала окне...
Вот бы знать, как она называется!
Золотая корона из трех волосков,
Голубые парчовые перышки...
Как же много несхожих живет голосов
У пичужки в серебряном горлышке!
Но один из них - грустный - в сознание мое
Закатился с утра, как горошина...
Это редкая птица. Душа у нее
Не простая - большая, хорошая.

Был мороз:
Жизнь надломлена в чаще.
Только слово скажи,
Только тронь –
И летит золотой и пропащий
Поздний лист
На осенний огонь.

Было: крикну –
Обрушится осыпь
С красных кленов,
Прекрасных до слез.
Было: трону –
Уносится осень
Тонкой стайкой
С плескучих берез.

Эта роща -
Что было, то было! -

Отзывалась на пенье мое.
Я отзывчивость эту любила,
Принимая за чуткость ее... ,

А теперь
Я молчу в этой чаше,
Ничего я не трогаю в ней.
Но летит, золотой и пропащий,
Поздний лист,
Отрываясь с ветвей.

Вечерние стихи

Мяжки вечера то и дело,
Как тающий дым от костров...
Я рада, что не отвердела
Еще для таких вечеров.
Не злюсь, не печалюсь, не трушу,
Когда, отпуская грехи,
Трясет меня жизнь, словно грушу,
Чтоб падали наземь стихи...
Я - мать. Я воссоединилась
С собой. И в душе сберегла
И тех, от кого ответвилась,
И тех, кому ветви дала.

Мир действительный, мир отраженный,
Отраженный в сознание мое –
Оба слились в один, искаженный...
Как мне жить и надеяться в нем?

Но живу, но надеюсь и верю,
Но ищу и покой, и уют
Там, где бродят безнорые звери
И безгнездые птицы живут.

Я в сумерки из лесу мчалась домой,
Но травы мне спутали ноги,
Лохматых кикимор хохочущий рой
Меня обступил у дороги.

Влекут на болота, а там - ни огня.
И мне, и себе на потеху,
Визжат и хохочут, щекочут меня,

А я... умираю от смеха.

По пням, по ухабам понес меня рой,
Мелькали кикиморьи рожи,
И пахло от них лягушиной икрой.
И я обезумела тоже.

Ослепла, оглохла в погиблом краю,
Где сгнуло люда немало,
Беспамятство в душу вселилось мою,
И, боже, душа ликовала...

Я сторожем там поработать хочу.
И часто себе представляю,
Что лесом иду, колотушкой стучу
И всякую нечисть пугаю.

Сколько инея! Роща, что кокон,
Вся опутана вязью сквозной
Белоснежных и мягких волокон...
Что в глуби созревает лесной?

Там, в глуби этой рощицы белой
(Только поле померкнет вокруг),
Весь трепещущий и оробелый,
Огонек зажигается вдруг.

Это зимнее солнце садится
Прямо в рощу. И в свете зари
Вся она заблестит, заискрится,
Как волшебный фонарь, изнутри.

И такая подступит тревога!
И почудится мне до поры,
Будто там приоткрылась дорога
На мгновенье в другие миры.

**Когда на лету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь....**

А.А. Ахматова

Когда впотьмах, сбивая с толку силой,
Пошаливает ветер низкой,
Сорит в глаза, попахивает псиной,
Пошаривает, словно домовой, -

Я устремляюсь к Вашему таланту,
Преодолев пугающую высь,
Где царствует, строга и элегантна,
Свободою воспитанная мысль,
Где выстрадана жизнь и соразмерна
Земным путям и Млечному пути,
А свет ее, и сдержанный, и верный,
Не застит путь, которым мне идти.

Вечер

На костре отгоревшего дня
Только алое это светило,
Как последняя головня,
Все еще до конца не остыло.

И гигантский, и сумрачный луч,
Озирая чащобы и недра,
Напоследок взглянул из-за туч
И погас от случайного ветра.

Ночь настала. Уже без огня,
Все ко сну и покою клонило.
Это было сильнее меня,
Я померялась и уступила.

Все насущное скрылось во мгле,
Где и времени нет, кроме мига...
Лишь мерцала в углу на столе
Сокровенно раскрытая книга.

Помню женщину, что это было
И навек отразилось во мне?...
Улыбнулась и взгляд утопила
На мгновение в вечернем окне.
А когда подняла - озарило
Все на свете до самого дна.
Ясно сделалось вдруг: полюбила,
Полюбила кого-то она!
С той поры, после этого взгляда,
Много зим пролетело и лет.
Но уже никому я не рада,
У кого его, светлого, нет...

С высоты полета твоего
На себя в какую-нибудь ночь
Погляжу: не видно ничего,
Разве только - маленькую точку,
Точку тьмы, тобою, как на грех,
На земле потерянную где-то...
Кто тебе я? Гляну снизу вверх
И звезду увижу - точку света.

Не судьба ты мне - дороже,
Не чета ты мне - родня.
Вот зачем но бездорожью
Ты преследовал меня.
И догнал. И недовольно
Смотришь в пройденную даль:
Видеть прожитое больно,
Кинуть нажитое жаль.
А в руках и не подружка –
Только шкурка - погляди! –
Позабытая Лягушкой...
А царевна - впереди.

Снеговица

Столько снега в сердце было,
Что хватило бы на всех!..
Человека полюбила –
И затаил этот снег.
Вот и плачь теперь, сестрица!
Слезы - талая вода.
Умывайся снеговицей –
Будешь вечно молода.

Стояла ночь. От выглянувшей первой
И до последней канувшей звезды
Прошло немало времени, наверно,
Поскольку белый снег замел следы

Твои, мои... И не было снаружи
Отныне доказательства тому,
Что ты здесь был, делил со мною ужин
И даже ночевал в моем дому.

За это время белые соцветья
В кувшине распустились и сошли,
И жизнь твоя, и целое столетье
Перед глазами нашими прошли.

Я медленно испробовала чашу
Твоей печали, риска... В тишине
Вдруг петлей оборачивалось наше
Совместное паренье в вышине.

...Так и живу теперь: сказать не вправе
И не сказать об этом не могу,
Что лишь ушел ты, первый след оставив
На первом, свежесвыпавшем снегу,

Я поняла, что я тебя взрастила
И в мир впервые выпустила я,
Чтоб ждать и ждать в тревоге...
Вот как было!
Все остальное - выдумка твоя.

Эх, береза ты, береза...
Поговорка говорит,
Что береза - не угроза:
Где стоит, там и шумит.

Жалко мне березы белой:
Сникнет, высохнет дотла.
Скажут люди: "Отшумела...
А красивая была!"

Все отошло: и ненависть, и горе.
Сквозь веки свет струился и тепло.
Дремала я. А близко рядом - море,
Ворочаясь, дышало тяжело.

Я сны смотрела ровно, без испуга.
Свободней! и телом, и душой,
Как около великого супруга,
Сама себе казалась я большой.

И только чей-то окрик человеческий
Будил во мне и горе, и вину...
Но море мне заботливо на плечи

Набрасывало зыбкую волну.

Вдвоем мы танцуем сегодня
И подозревает душа,
Что музыка - все-таки сводня...
Но, Господи, как хороша!

И в этой сияющей зале,
В пучине летящих огней,
Все это, что вы мне сказали,
Не мне предназначено - ей.

И робость, и голос невнятный –
Все ей, а не мне... Ну и что ж?
Опасно близка и понятна
Ее благородная ложь

Что ты делаешь? Что же я делаю?
Одиночества нам не избыть.
Может быть, потому надоело нам
И любить, и любимыми быть.

Выйду на берег моря соленого.
Брошу камень - круги на воде
Догоняют друг друга взволнованно
И никак не догонят нигде...

Снова трели просыпали птицы
И взъерошили май голубой...
Хорошо охраняю границы
Между мной и тобой.

Ночью ветер проветрит обитель
Звезд и трав и послышится стих.
- Кто ты? - тихо спрошу.
- Нарушитель
Всех расчетов твоих.

Времени нет - только хмары да просини
И наплывают из тьмы
Красные, желтые бабочки осени,

Белые мухи зимы.

Времени нету, а только - движение...
Но неподвижно во мне
Светится тихо твое отражение,
Словно звезда - в полынье.

Кто же ты? Где? Далеко или около?
В сердце темно иногда.
То ли звезда закатилась за облако,
То ли замерзла вода.

Лишь тронется ветер - и снова
Во тьме померещится куст.
И снова горелое слово,
Как пепел срывается с уст.
И вновь рассыпается прахом
Над Родиной древней моей...
Но сердце не чувствует страха
В земле раствориться на ней.
Оно уже так изболело,
Россия, о нашей судьбе,
Что радо и душу, и тело
Отдать напоследок тебе.
Но держит какая-то сила.
Как будто я в этих снегах
Оставила что, позабыла,
А что - не припомню никак.

Я думала, что это не пройдет,
Но вышло все не так, как мне казалось...
Колючка в сердце: вспомню - и кольнет.
И это все, что от любви осталось.
И я осталась, будто бы с дитем,
С неодолимым чувством: виновата.
И что я с ним поделаю потом?
Ведь это чувство вырастет когда-то...

Однажды мне увидеть довелось,
Как тщила птица склевывать с картины
Правдиво нарисованную гроздь
Ядреной ослепительной рябины.

Вот так и я стихи твои с листа
Читаю: не найти живого чувства!
Зато так много всякого “искусства” -
Того гляди, обманешься спроста.

Цыганка

Поезд стал на разъезде в сугробах.
Сели двое. Картина ясна:
Смотрят в разные стороны оба,
Оба хмурые - он и она.

И цыганка, бегущая следом,
Лезла в душу к ним, словно в карман,
Познакомилась с женщиной этой,
За мужчиной пошла в ресторан.

Там он пил, озирая устало
Снежный мир в голубом далеке.
И цыганка ему погадала
По глазам, а потом - по руке.

Говорила:
“Не надо казниться!
Ты тогда ничего не хотел,
А летал ты беспечно, как птица,
И в незримые сети влетел.

Вспомни, как лепетала по-детски,
Чаровала, на помощь звала...
Так бесовки зовут, куролески,
По болотам, где морок и мгла.

Думал ты, что за голос капризный,
За смешок и уклончивый взгляд
Жизнь отдашь, полюбив больше жизни...
И отдал. Не веротишь назад.

Все привычней, в любую погоду
Сам не нужный себе, словно тень,
Получал от нее ты свободу
Лишь по выдаче изо дня в день.

А под вечер она как попало
Прибирала запущенный дом
И на сердце твоём засыпала,
Словно на чемодане с добром.

Но почуяла: сердце скудеет,
Стало меньше в нем сил и добра,
И уже, как декабрь, холодеет:
Что ж, все выпито - значит, пора!

Нет, не скажет: “Тебя я не стою”.
А процедит: “Цена тебе - грош!”
И куда ты с душою пустою
Да с ненужной свободой пойдешь?”

...Так цыганка мужчине гадала,
А потом возвратилась в вагон,
Где жена его молча стояла
И глядела в себя, как в огонь.

Поезд мчался. Сказала гадалка,
Пудобней присев у окна:
“Хочешь правды?
Мне правды не жалко,
Только правда - учти - не одна.

Не любовь в тебе - холод и холод
От догадки, что муж твой давно
Не любил, а обманывал голод
По другой, и тебя - заодно.

Ты от ревности сделалась злая,
Не мила ни ему, ни себе...
Та другая - сама ты, бывая,
Что когда-то любил он в тебе”.

Сосчитала цыганка монеты,
Схоронила в пальтишке плохом
И сошла, незаметная, где-то
На ночном полустанке глухом.

Я забыла о ней. Навсегда ли?
Вспоминаю - почти не видна.
Лишь слова ее в душу запали:
“...Только правда - учти - не одна”.

В степи

Снилось мне: степь да степь неоглядная,
Вьюг и бесов хохочущих лет.
Конь хрипит и идет на попятную,
Ну а ты его гонишь вперед!..
Я проснулась. Ты куришь рассеянно,

Положив на баранку ладонь.
Степь да степь... И несется уверенно
Твой железный, сверкающий конь.

Любили ли вы? Не любили.
Прекрасная, крепостью были.

Вы каменной были? Едва ли.
Вас силой и хитростью брали.

Разграбили, выжгли дотла.
Вам больше не делают зла...

Сегодня от тебя была я близко.
Душа моя, с кругов своих сойдя,
Прибитая к земле, летела низко,
Как ласточка в предчувствии дождя.
Но мелкою травинкой укололась,
Искусственному ветру поддалась,
Когда промчался мимо скорый поезд,
Окликнул даль - и даль отозвалась.
Да был ли скорый поезд или не был?
Мелькнуло что-то в огненном кольце,
Обдало смерчем, высветило небо
Сквозь свист железа, брошенного в цель.
И смолкло все. Но долго по-над лесом
Шатало кленов гибкие верх,
Несло перетревоженных экспрессом
Полночных птиц и листьев вороха...
Зачем он мне - с таким непостоянством
Твой образ, проступающий из тьмы?
Скажи мне, наконец, в каких пространствах
Так незаметно разминулись мы?

Сказал:
“Гляди попроще
На то, что ухожу...
На все гляди попроще”.
Ну, вот я и гляжу.

И вижу в новом свете,
Что ты, не клят, не мят,

Сидишь на табурете
И щиплешь виноград.

Перед тобой, бесстыжий,
Открыты все пути,
Да ты не хочешь, вижу,
Куда-либо идти.

Дуб не помнит, клен не помнит,
Что шептали в тишине,
Словно ночью тихий город
Разговаривал во сне.

Я не помню, что творилось
С этой звездной вышиной,
Что тобою говорилось,
Что отвечалось мной.

Лишь одно не позабылось:
Листьев шепчущих прибой,
Словно тайнами делилось
Все вокруг наперебой.

Нам с тобой не надо бы встречаться:
Все, что было, скомкано - и пусть!
Я начну веселой притворяться,
А потом и впрямь развеселюсь.

Станешь ты поглядывать геройски
И с другой по-свойски говорить,
И курить, волнуясь, папироски,
И меня случившимся корить.

Я скажу, что все перезабыла
И ко мне являться не велю.
Я скажу: другого полюбила...
А потом и вправду полюблю.

Встретимся когда-нибудь - простите!
Ты кивнешь и снова - в забвенье...
Так кивает ветка на раките
Воробью, спорхнувшему с нее.

Как странно ты прислушался ко мне!
Как лес - к себе в предчувствии апрелей,
Когда невольно охнет в тишине
Ком инея, обрушиваясь с ели...

Ты не меня заждался, а весну
И принял не за ту меня - другая
Идет за мной, доверчиво сияя.
И я ее, конечно, не спугну.

На лыжи встану рано до зари,
Пойду, пойду сквозь дремлющие рощи.
Когда с работы скатишься с горы,
То на гору взлететь намного проще.

А там, за поворотом, на виду –
Поселок, электрички... И в вагоне
Остановлюсь и дух переведу:
Ушла. И не предвидится погони.

Любовь

Захватила. Ушла. Но, как водится,
Власть оставила в сердце свою.
И живу я при ней, как невольница,
И невольничьи песни пою.

Но все чаще и робко, и слепо я
Озираюсь - и вижу окрест:
Ничего между нами и не было,
Кроме этих бескрайних небес...

Так много ты мне дал
сердечности когда-то,
что думаю:
ужель не испытал
ты чувства мимолетного утраты
того, что дал?
Да, испытал.
И, может, потому
теперь, среди осеннего разора,
ответствуешь так нехотя, не скоро
ты зову моему...

Объяснение

1

Что с тобою нынче? Что ни слово,
Ты мне льстишь. И, словно напоказ,
Робко симулируешь слепого
От любви, которой нет у нас.
Только я-то вижу, что ты зрячий...
Думаю, молчание храня:
Хочешь обмануть ты, не иначе.
Но кого?
Себя, а не меня.

2

Чувства мне не надобно ответного.
Может быть, я этим дорожу,
Что я у тебя, как у запретного,
Все вокруг да около хожу.
Все - в стихах, что в жизни не исполнилось.
И живу я памятью дурной:
Все, что не случилось, но запомнилось,
Все-таки случилось со мной.

Цветущий летом и зимой,
В костюме цвета пыли...
Да ты ли это, милый мой,
Неужто подменили!
Ты нынче в славе, как в репьях
Испытывая скуку,
При встрече сунешь второпях
Захватанную руку:
- Ну, как дела?
- Да так себе...
И вновь посторонился...
Я помню всех, кто пал в борьбе
Кто тихо опустился.
И ты в толпе исчез затем,
Кивая, приседая:
Когда я ем, я глух и нем,
А ем теперь всегда я!
Нет, не случилось ничего.
Но... прожито так мало,
А вот уже не одного
Я друга потеряла.

Встретимся еще!
На склоне дня
Сам в мое пожалуешь жильё.
Эта мысль
Преследует меня,
Ну а ты преследуешь ее.
Нам не разминуться, говорю.
Нет уже для выбора дорог.
Если ты увидишь, что горю –
Тут же завернешь на огонек.

Снег пошел. То, путаясь, не ладя,
То, струясь спокойно с высоты.
Воздуха мятущиеся пряди
Обретают зримые черты.

Этот стих - на ниточке наития,
Этот снег - у ветра на волне...
Нет, не автор я, а исполнитель
Музыки, мятущейся во мне.

Но за эти сбивчивые речи,
Где в родной стихии - каждый стих,
Я еще когда-нибудь отвечу.
Кто же отрекается от них?

Воронье над Россией охрипло,
Зло, пророча нашествие зла...
Только вера - она не погибла –
Словно Китеж, под воду ушла.

Только чувствуем мы то и дело
И в застое, и в смуте большой,
Что душа, разлученная с телом,
Оказалась в стихии чужой.

Только прошлого сколки и глыбы
В знак еще небывалой беды
То и дело всплывают, как рыбы,
Из отравленной, мутной воды.

В лето 1989

1

Воздух Родины взрывчат и мглист.
Хрупкий мир ощутимо надколот.
И такой оглушительный свист,
И талой истерический хохот
Разразились, страну сотряся,
Что у слабых рассудок петляет...
Словно нечисть былинная вся
Свой разнузданный шабаш справляет.
Нет поэзии места - и слух
Занят юмором “желтым” и “черным”.
И то взлетом захвачен наш дух,
То - паденьем позорным...

2

Метя в души глумливым словцом,
Пораженья равняя с победами,
Натравили детей на отцов
И отцов перессорили с дедами.
И, накинув удавки плотин
На умы и речные извилины,
Завопили средь русских равнин:
"Ваши души и реки заилены.
Вы рабы богоизбранных рас!
Мы - свободы и судеб вершители!.."”
Только плохо вы знаете нас,
Мало знаете нас, разрушители.
Не рабы мы хотя б потому,
Что ни явно, как вы, ни украдкою
Не спешим на поклон ни к кому
За дешевою жизнью и сладкою.

3

Все у нас, говорят, не годится.
Нет, в России у нас не житье..
А в пословице говорится:
Та худая и глупая птица,
Что марают гнездо свое.
При любом - повторяю - режиме
Низость - хаять родные края.
Сыт не будешь хлебами чужими
Лучше - корка, да все же своя.

В самолете

Какой намалеван румянец
На лицах российских матрен,
Как жалкий коммерческий глянец -
Рабыни новейших времен!..
Как воздух опасно загажен,
Как лес и народ поредел!..
Над Родиной - дух распродажи
И древних границ - передел.
Гляжу я на землю, взлетая,
И кажется мне без конца:
Не туч надвигается стая,
А простынь - на лик мертвеца.
Что дорого было когда-то,
Все кануло в небытие.
И только огарыш заката
Горит в изголовье ее...
Там, в дальних слоях ноосферы,
Мы гибнем в неравном бою
За нашу тревожную веру
В бессмертную душу Твою.

Перемены

1

Кипят, возмущаясь, народы,
Что нечего есть им и пить...
Да только “добром и заботой”
Несложно нужду подкупить.
Достаточно “выбросить” водку.
Но люди трезвей, чем вчера.
И желтого дьявола подкуп
Уже отличим от добра.

2

Нужда, перекоры и шум
Эфир растревожили снова...
Готова и я: не скажу
В сердцах раздраженного слова.
И так уж изранили Русь
И смуты, и распри глухие.
Поставлю преграду я - пусть
На ней и преткнутся стихии.
А яд разноцветных программ,
Умело подмешанный в ужин,
Врагу, без раздумий отдам.
И вас призываю к тому же.

Дни парадов и маршей победных
Отгремели. Послышались вдруг
Голоса о богатых и бедных –
Пораженья тоскующий звук...
В этом мире, где спаяны грубо
Плоский труд и бетонный уют,
Где дымятся удушливо трубы
И враждует издерганный люд,
Если я пошатнусь, говори мне
Лишь о детстве - о том далеке,
Где сбегали весенние ливни
По тропинкам, ведущим к реке.
И она принимала лениво
Их в свое голубое литье...
Сколько плавало зорь по разливам,
Никло ив по извивам её!
И шаталась дощатая кладка,
Увлеченная нашей игрой,
Над рекою, куда мы украдкой
Убегали со старшей сестрой,
Убегали без спросу, как ливни,
И кричали нам вслед со двора!..
Если я пошатнусь, говори мне,
Говори мне о детстве, сестра.
И тогда уж я вся без остатка
Снам доверюсь, надежду тая:
Это просто шатается кладка,
Но не мы - но не ты, но не я.

Сестре Любе

Наш отчий дом, где мы с тобой росли,
цвели вдали от центра и от сглаза
еще вчера купили и снесли
встревоженные беженцы с Кавказа,
а нынче... из обломков восстает
такой дворец богатый да хороший,
что просто удивляется народ:
“Откуда у людей такие гроши?”

Красота, говоришь? Тщета.
Не спасет она мир, пропащая.
По рукам пошла красота,
Словно знамя переходящее -
За валюту и за вранье.
Рано праздновать воскресение -
Нынче время спасать ее,
Чтобы ждать от нее спасения.

Булава

Уже и ты не в силах мне помочь
Развеять потревоженные помыслы,
Мой конь, замаскированный под ночь,
Цыганского загадочного промысла.
Стою, гляжу в дневную синеву,
От старины наслышана про молодца,
Закинувшего в небо булаву...
Куда она падет? Когда воротится?

Почувствовав взгляд, оглянусь я –
И тут же увидится мне
Старушка пожелклая, с грустью
Застывшая в чьем-то окне.
Глядит сквозь немытые стекла
На день, утонувший в чаду,
На площадь, где я одиноко
С тяжелой авоськой бреду...
С таким выражением света
Глядят на земные пути,
Чтоб крепко запомнить все это
За час перед тем, как уйти.
И вздрогну от мысли нелепой,
Что, следуя в небытие,
Мой образ случайный, как слепок,
Остался в сознание ее.
Что, может, с собою в дорогу
Возьмет она что-то во мне,
Душою повернута к Богу,
А ликом - к родной стороне.

Жаркое лето

1

Нелепо, - что и говорить! –
Из любопытства просто
Ты по-мальчишечьи зорить
Любил чужие гнезда.
То с той, то с этой пил вино
И как-то не приметил,
Что и твое разорено
Гнездо то тем, то этим...
И я потратила деньки
Среди гуляк-поэтов,
Плетя ненужные венки
Затейливых сонетов,
Когда, вольны и неверны,
Мы вдруг столкнулись нервно...
Ну да, вот так со стороны
Все выглядит, наверно.

2

В те дни приземлялась звезда...
Я зная такого не знаю,
Что был в это лето, когда
Свела нас прохлада лесная.
Жара накаляла жилье.
И за полночь даже парило.
Слеталось на пир комарье
И с песнями ело и пило.
В эфире молва разнеслась,
Что вновь подступает расплата
За то, что когда-то до нас
Вдруг брат ополчился на брата,
Что ненависть нынче и месть
В припадке терзают планету,
Что всюду убитые есть...
Но нас не морочило это.
Любовь, как спасательный круг,
Дала нам какая-то сила.
И в море безумств и разрух
Нас счастье в объятьях носило.

В октябре открывается лес.
И видны среди листьев кружимых
Рожки пней и развилистых мест,
Много сора и уз расторжимых...

Но как радостно - знаешь ли ты? –
После осени долгой и мгливой
Видеть снег и свои же следы
Сердцу чистому во поле чистом...

Когда леса, подлесок и кусты
С налету перешаривает ветер, -
Что ищет он? Что вздрагиваешь ты,
Во сне услышав шорох на рассвете?
Не знаю, сплю. Но, глянув в очи звезд,
Движением на миг твой сон нарушу,
Чтоб этот вихрь случайно не унес
Твою остановившуюся душу.

Мелькнула осень, ослепя,
И молвила простое:
“Не любит!”
Что же, не любя,
Любовничать не стоит.
Есть у тебя среди отрад
Другая, помоложе.
Она из тех, что, как театр –
Без зрителя не может.

О! Ты - поклонник до поры,
Пока любить - искусство,
Ценитель искренней игры
Изменчивого чувства...

А я пугаюсь суеты,
Как девки-перестарки.
Зимой опутаны кусты
В заиндевевшем парке.

И никого. И хорошо.
И любо с этим сжитья,
Что снег подумал и пошел,
И на сердце ложится.

Снежок невесело слеплю
И на руки дохну я.
Ну что поделаешь - люблю.
И, кажется, ревную.

По “коридору” армавирскому
Всю ночь гуляли сквозняки,
Гоня по Ставрополю мгlistому
Туманов белых косяки.
В туманы канули кисельные
И достиженья, и грехи,
Огни, дома крупнопанельные,
Широкоблочные стихи...

И люди жались к отоплению,
А мы по городу брели
И замышляли преступление
Своей возвышенной любви.
А где теперь она? Отпрянула,
Молвой унижена уже, -
Она на дно тумана канула
С тяжелым камнем на душе.

Попала в парки полутемные,
Воспоминаний не храня,
Всю ночь глазами отчужденными
Оттуда смотрит на меня,

А я письмо пишу историку:
“Есть электричество в глуши.
Есть место подлости и подвигу.
Но нету места для души...”

Есть слова - отболевшие, что ли?
Только ветер их тронет едва –
И они улетают без боли,

Словно с веток осенних листва.

А мои улетают, как птицы,
Холодами гонимые прочь,
Отступая до самой границы,
Где никто им не в силах помочь..

Потому, когда снова с тревогой
Глянет осень, неровно дыша,
Собирается сердце в дорогу
И предчувствует гибель душа

Явилась поздняя весна,
А с ней - туманов ворох...
И мы сидели у окна
В серьезных разговорах.

Но вот донесся новый звук
К нам с улицы во мраке –
То клены вывесили вдруг
Шумливых листьев флаги.

И, заслоня окно мое,
Безжизненно сначала, -
Они, как старое тряпье,
Отвешивались вяло.

Но соки, токи шли по ним!
И наполнились упруго
Они волнением одним,
Смущеньем и испугом.

И все, что делалось в окне
Сквозь зимнюю усталость,
В те вечера тебе и мне
Тайком передавалось.

О чем я спорила - тебе
Не пара и не ровня –
Давно не помню, хоть убей!..
А листья эти помню.

Лишь смеркнутся окна в домах –
Послышатся шорохи в роще,
Где, словно слепая, на ощупь
Шатается осень впотьмах.

И, может быть, шаря в потемках
И что-то держа в голове,
Мой гребень нащупает тонкий,
Потерянный летом в траве.

Все это останется тайной,
Морозом зажатой в тиски,
Но чувствую я: не случайно
Мои побелели виски.

Я знала, откуда - неважно,
Что поздняя осень одна
Меня заколдует однажды
И не расколдует весна.

Песня

Рябина красная, златолиствяная,
Зачем в пустом лесу одна горишь?
Что под ветрами ты теперь, как пьяная,
Все сокровенное мне говоришь?
Гляди, пожалала я не то, что сеяла,
А время быстрое уходит прочь...
И ходит по небу луна осенняя,
Как медный маятник, из ночи в ночь.
Слепы, глухи давно, леса стоят стеной,
Зимой напугана, слегла трава...
Не спи, рябинушка, поговори со мной,
Пока горишь еще, пока жива.

Это я пред тобой виновата,
Что, порушив духовную связь,
Я тебя полюбила, как брата,
А взяла и женой назвалась.
Обозналась. Смутилась душою...
Но и ты предо мной виноват,
Отозвавшись на имя чужое.

Я не рада и ты мне не рад.
...Ходит дождь по следам листопада
И уныло твердит невпопад:
Это я пред тобой виновата,
Это ты предо мной виноват...

И вновь, прямой, влекомый высью,
Зарделся тополь у реки...
С него тогда слетали листья,
Что календарные листки,
Так, словно в сутки проходило
Не меньше месяца и двух...
А впрочем, так оно и было,
Пока твой голос не потух,
Не затерялся в непогожих,
Померкших далях нежный взгляд,
Как эти листья... Для кого же
Сегодня вновь они летят?

Грянут оркестры, а ты и не рада.
Встанешь впотьмах и захлопнешь окно.
Солью труда и словес рафинадом
Перенасыщено сердце давно.
Только и счастья - пространствам внимая
Знать, что в душе не двоишься за грош:
Та, за кого ты себя принимаешь –
Та ж, за кого ты себя выдаешь...
Праздников нет - лишь высокие даты,
Что утомительней будней иных.
Только и радости - вспомнить когда-то
Горечь полынную песен родных.
Только и песен почти, что не знаешь,
И не уймешь самомнения лесь:
Та, за кого ты себя принимаешь, -
Вовсе не та, что ты, в сущности, есть.

Двадцать лет спустя

Помню школы с их духом воинственным
И расхожих картинок клише,
А на них - чудо-город таинственный

То ли в пять, то ли в шесть этажей.

Лучше б нам изучать арифметику!
Но учитель наш, - видно, поэт, -
То и дело впадает в патетику:
“Через двадцать каких-нибудь лет
Победившая цивилизация –
Коммунизм - при поддержке друзей...”

От макухи, картохи, акации
Мы тогда зачервивели все.

Мы росли в ожиданьи чудесного,
В уповании на календарь...
Но мечты наши цвета небесного
Освинцовывал каждый январь.

Ночь стояла сырая, тягучая,
Оплывали круги фонарей,
В ожиданье пожарного случая
Пил пожарник в дежурке своей.

И в кино, шелухою заплеванном,
Все крутили “красивую” жизнь.
Выходили мы, злы и зареваны,
И за ней без разбора влеклись.

...В этой мгле, на беспутье и в мороке,
Грандиозный какой-нибудь план
Паразиты и паразитологи
Утверждали, спеша “по делам”
К изголовью народа усталого
И корящего их, словно вшей,
В снах своих о грядущем, без малого
То ли в пять, то ли в шесть этажей...

Челка, тонкие духи...
Весело и звонко
Прочитала мне стихи
Юная девчонка.
Прочитала и ушла...
Что же с нею случилось?
Хороша она была –
Дураку досталась.

Знакомому поэту

Восхваляешь не любя,
А любя - казнишь сурово,
Вот и злишься на себя,
Как собака - на чужого,
Вот и мстишь себе в гульбе,
Раздвоившийся по сути,
Как потерянные люди,
Изменившие себе...

Не попрекая, не виня,
А попросту скорбя,
Скажу: ты умер для меня.
Так вышло - нет тебя...

Из окон музыка лилась,
А в окна - летний дым,
Когда любовь кружила нас
По улицам ночным.

Смеялось тонкое вино,
Шел август сам не свой...
Но это было так давно!
Когда ты был живой.

Этот август по улицам мирно плывет,
Жарким хлебом, вареньем и солкой,
Как поспевший пирог, так в лицо идохнет,
Только день приоткроет духовку.
Сохнут красные сливы в жаровнях больших,
Став на солнышке месивом сладким.
Хлопотливые мухи садятся на них,
Потирая передние лапки.
Мельком Клава, соседка, в окно поглядит,
“Скоро осень!” - промолвит и снова
Для зимы консервирует, варит, солит,
Словно - для великана какого...
Лень воскресная свяжет меня по рукам
И со свежей крикливой газетой
Я усну, и приснится мне злой великан,

Поедающий красное лето.
Там, в столицах, витийствуют вождь и поэт,
Ищут выхода, входа и смысла...
А у Клавы от этого сахара нет
И недавно варенье прокисло.

Затмение

Преградивший огромное поле
Ясноглазых дружинников строй,
Полыхнувший щитами на воле –
Чешуею своей золотой...

Любо князю от края до края
Было воинство видеть свое.
Только слышит он: твердь обмирает,
Див хохочет и гнется былье...

И явилось князю виденье,
Предвещавшее лютое зло:
Наползало затменье и тенью

За челом омрачало чело.
Цвет землицы - у воев на лицах –
Мертвецов нескончаемый ряд.
Погребенные очи в глазницах
С укоризной на князя глядят.
А над Русью, по страшным дорогам,
Смерть пирует в стенающей мгле.
Жля и Карна с карающим рогом
Разливают огонь по земле...

Миг - и войско исчезло из виду,
В Диком поле вскружа воронье,
Разбудившее Деву-Обиду
И уснувшее вместо нее.

...Князь без боя вернул бы вас, братья,
Да насмешек боялся зело:
Мол, пенял на распутицу в марте,
Вышел в мае - затменье нашло...

Князю славы и чести дружине
За чертой укрепленных твердынь
Шли искать - не вернулись доныне:
“Князю - слава, дружине - аминь”.

Когда устанет сердце
Искать единоверца,
Поработится ум
Властителями дум,
И пересохнут речи,
Покинув устья уст,
В очах погаснут свечи
И станешь мертв и пуст,
Жесток и неподсуден
Для тихого стыда...
Нет! Этого не будет,
Надеюсь, никогда.

Друг друга не восполнить... Знаю повесть,
Как вышла замуж, сбитая с пути
Когда-то обещанная совесть
За ум, что не по совести в чести.
Двуличен их союз был и неясен.
Им то сума грозила, то тюрьма,
Поскольку ум без совести опасен
Не менее, чем совесть - без ума.
Мне повесть эта многое открыла...
Да, горя не избыть нам и не счесть,
Пока в загоне горбится уныло
Хоть чья-нибудь поруганная честь.

Золото, книги, цветы,
Запах камина нагретого,
Тонкие вина и ты –
Сторож и раб всего этого.
Гости собратья должны,
Тоже рабы и охранники
Дачи, машины, жены,
Места в доходном предбаннике...
И зазвучит похвальба,
Сытая песня расхожая,
Будто Россия - раба...
Да. Но не ваша,
А - Божия.



КАЖДЫЙ БОЖИЙ ДЕНЬ...

Инфляция

Заложил сперва колечко мамино
И медали выкрал у отца,
Но сгорели деньги синим пламенем
Прямо в кошельке у продавца.

Продал отчий дом и продал родину
И невесту сдал в кордебалет.
Снова появились деньги вроде бы.
Но, как порох, вспыхнули и нет.

А вчера пришел купец от дьявола
И заводит речи о душе,
Предлагая “бабки” - и немалые! –
Нечего закладывать уже.

Впал от сожаления в бессонницу
Юный оборотистый debil
Не о том, что душу продал в розницу,
А о том, что чуть продешевил.

Не поется: не время, не место...
Наблюдаю, в себе затаюсь,
Что во всякое дело, как в тесто,
Незаметно мешается грязь.

Присоседилась к мужеству гордость,
К дару - зависть, готова загрызть.
К милосердию повадилась подлость
И пристроилась к правде корысть.

Червь - во всем... Ничего мне не нужно!

Отвращаются очи мои
От запятнанной выгодой дружбы,
От залапанной блудом любви,

От молвы, от пустого общенья,
Обдающего душу тоской,
От злоумия и лжеученья,
От позорища славы мирской...

Только - шорох тревожимых листьев,
Только - трепет молитвы в груди:
“О, Владыко, от тайных очисти
И от чуждых меня пощади!..”

След - в след...

Свет гнилушек на топком болоте
Принимая за истинный свет,
Не спасетесь, пока не пойдете
До конца за Спасителем вслед.

След - во след. И не дальше, не ближе.
След - во след. И Спаситель спасет.
А иначе, вонючая жижа
Позовет, увлечет, засосет.

...Тишь за окнами ночью нарушит
Песня пьяная. Выстрелы. Вопль.
Это чью-то заблудшую душу
Поглотила бездушная топь.

Ты мне сказал, идя в запой:
“Погибла наша юность!..”
Но оглянулся: “Что с тобой?
Чему ты улыбнулась?”
“Я радость чувствую за нас...”
Ты свистнул: “Непонятно.
Происходящему сейчас
Она неадекватна!
Ты погляди, кругом - вражда,
Голодные скитальцы,
Калеки, нищие, нужда!..”
И загибал ты пальцы.
“А счетовод? А гуртоправ?
Изменники и воры!..”
“Ну да, ты прав. Конечно, прав!
Какие разговоры?
Но я не солнцем, не мошной
Сегодня обогрета.
И не вовне - во мне! - иной
Взошел Источник Света...”
Ты отвернулся от меня,
Сказал: “Какая жалость!”
Сказал, кого-то прокляня:
“И эта помешалась!”
Ушел спасаться от беды
И требовать ответа...
Я лью в стакан ведро воды.
Ты не вмещаешь ЭТО.

Давно свечерело. Уснула квартира...
Но вновь донимает меня
Насмешливый дух одичалого мира
И злобы минувшего дня.

Он шепчет о том, что меня обманули,
Ограбив средь белого дня,
Из песен, что пела я, вылили пули
И ими убили меня.

Он путь указывает короткий и скорый
К богатствам, не нужным душе.

И я поддаюсь не его уговоры
И месть замышляю уже...

Но встану, но выйду из сферы гипноза
И знаю, что мне повезло,
Когда набегут благодатные слезы,
Чтоб смыть закипевшее зло.

Хватит! Мы все виноваты
В бедах своей страны...
Молча найти когда-то
Долю своей вины.

Взять эту горькую долю,
В Божий явиться храм
И, повинившись вволю,
Долю оставить там.

Каждый бы сделал то же...
Нет же! Взметая прах,
Спорим, чья “доля” больше,
Праздно на всех углах.

Не сотвори кумира

Кто мы? Крещеные язычники?
Кумирам служим: кто - кому...
Тот норовит попасть в отличники,
Служа тщеславию своему.
Тот начиняет бомбу гибелью
В угоду важному лицу,
А тот гоняется за прибылью,
Поработив себя тельцу.
Повсюду время убивается...
Не все ли делают одно –
И кто за Музой увивается,
И кто ишачит на вино...
Вчера я слышала по радио,
Как реформатор голосил:
“Во что я душу только вкладывал?
На что потратил столько сил?”
Кумирам преданы, растратчики
Всего и вся - и в этом суть!

Мы все - “обманутые вкладчики”
Души своей... во что-нибудь.

Я уже спокойна и свободна
От всего с названьем “се ля ви”.
От ревнивой дружбы подколодной,
От земной припадочной любви...
Да не в их зеленые пенаты,
Где смеется шелест молодой,
Я вбежала, русая, когда-то?
Выхожу усталой и седой.

И, своя для нищих и убогих,
Об одном лишь думаю в пути:
Лишь бы не загинуть по дороге!
Лишь бы крест до места донести.

Лампада

Ты отличал в потемках сада
Плоды добра от плевел зла,
Пока с тобой твоя лампада –
Светильник совести - была.

Стоишь во тьме среди распада...
Но звезды светят там и тут,
Как будто ангелы куда-то
Свои светильники влекут.

Душа, как пойманная, бьется
От каждой тучки небольшой.
Вот каково тебе живется
При свете совести чужой.

*“...се, лежит Сей на падение и восстание
многих...” (Лк. 2.34)*

Грешные, лукавые созданья,
Злое, недостойное житье...
Но Господь явился. На восстанье?
Или на падение твое?

Но душа никак не хочет верить,

Что прозрела только для того,
Чтобы оглядеться и измерить
Глубину паденья своего!
Потому с неслыханною силой
Снова зазвучало на Руси:
“Господи, услыши и помилуй,
Господи, услыши и спаси!”

Дракон

Гуляем! От муторной жизни...
Христос наблюдает с икон.
В поруганной нашей Отчизне
Гуляет стоглавый дракон.

Его вездесущие главы
В местах областей и краев,
Возможно, по-своему правы,
Сирот объедая и вдов.

Святыни великих событий
До самых церковных оград
Измял, очернил, ископытил,
Изгадил - гуляющий гад.

Подымет тяжелое веко –
И глянет экран голубой,
Скверня и мертвя человеков.
И сами идут на убой...

Вспомни, народ-Богоносец,
Что Крест - ограждение твое.
И двинется Победоносец,
Нацеливший в Змея копьё!

Мне показалось вначале,
Будто сама я пою...
Нет, это демон печали
Выдохнул песню мою.

Может быть, ею сказались,
Душу исполни тоской,
Ревность, уныние, зависть,
Поиски славы мирской?

Может, у них я в неволе
Целую ночь пробыла
Лишь проводницею боли,
Тонким орудием зла?

Много ли надо отваги,
Чтоб отрешиться вполне
От оскверненной бумаги?
Сжечь в полыхнувшем огне!

И усмехнусь с неохотой,
Глянув на вспышку огня:
Вот она - ваша "свобода
Творчества"...
Не про меня.

Третий путь

Сыта плодами суеверий,
Молвой отравлена вконец,
Стучу я в запертые двери:
Не оставляй меня, Отец!
А духи злобы то и дело
Теснят, судилища верша:
"Молчи, юродивая дева!
Уймись, погибшая душа!"
Но восхищается все выше
Она в иное бытие,
Уже не видя и не слыша
Злых истязателей ее...
Туда, в просвет лазурно-синий,
Сквозь чад беснующихся царств,
Куда восходит вся Россия
Путем невиданных мытарств.

Письмо

Пока я стирала, ходила за хлебом,
Пока поливала я сад,
Оно, словно пуля, направилось слепо
Сюда, где живет адресат.
Скрывая насмешку холодную, злую,
Оно пробиралось ко мне
В толпе среди писем, где шлют поцелуи,

Стихи и поклоны родне.
Оно замышлялось четыре недели,
Скиталось одиннадцать дней
И вот оказалось почти, что у цели –
На улице мирной моей,
Чтоб душу убить или сделать уродкой
И веру отправить на слом...
Но Ангел-Хранитель с улыбкою кроткой
Укрыл ее нежным крылом.

Полушарий качнулись весы...
Детский лепет словесности милой
Смолк, как молкнет по рощам уныло
Птичий гвалт накануне грозы.
Миновало затишь. И снова
Пушки грянули - муза молчит.
Огневидное Божие слово
В поднебесном пространстве звучит.

Не унывай, моя отрада!
И впрямь дорога тяжела...
Повсюду внутреннего лада
Искала я и не нашла.

Нашла в соборе я потерю,
Среди намоленных икон,
Того, что каждому по вере
Давалось даром испокон.

И это свыше подаянье
Вдыхалось в душу не одну,
На расстоянье покаянья –
На широту и глубину.